

лёт наш герой новое письмо. Чувство назревает – большое, настоящее.

Алгоритм-2002-февраль-с.36-37.

Шёпот и марш

Роман Александра Фадеева в письмах

Вячеслав Ребров

НАЧИНАЛ ОН СВОЮ АТАКУ ИСПОД-
воль, что называется, тихой сапой.

"Дорогая Тамара Фёдоровна! Простите, что невольно обманул Вас вчера, в тот день, когда говорил с Вами по телефону. Поехал к Горькому на дачу и простудился дорогой. Весь вчерашний день пролежал дома, даже на Съезде не был, и позвонить Вам неоткуда было. Оставляю Вам билеты, начиная с сегодняшнего дня. А."

Надо полагать, что и Горький, и его дача, куда проникает не каждый желающий, вставлены в первом письме отнюдь не для понта. Общение с Горьким, участие в Первом съезде писателей (1934 г.) – обо всех этих новостях сообщалось в центральных газетах, где имя нашего героя называлось в череде главных персон.

"Милая Тамара Фёдоровна! Очень соскучился и хотел позвонить, но сижу как проклятый над сценарием. В силу создавшегося положения, хочу закончить в срок и чтобы вышло хорошо (...) Крепко жму руку... А сирень не забудьте поливать. Она чудно распустится. А."

Адресатом этих писем была актриса Адельгейм. Племянница знаменитых театральных актёров Роберта и Рафаила Адельгеймов. Амплуа её называлось трагедистки. Маленькая фигура, но ладная. Лицо с чёрными крупными и выразительными глазами. Знавшие её по тем годам коллеги говорили о невероятном темпераменте актрисы. "У такой мышки и такая моторная энергетика!" Она была востребована в московском ТЮЗе. Из фильмов, в которых она снималась, только "Золотой ключик" (1939) сохранился в прокате до наших дней. Она сыграла роль капризной девочки Мальвины, хотя ей было уже 35 лет. Эта роль стала её последним появлением на экране.

Она была замужем за критиком Хрисанфом Херсонским, начинавшим когда-то на театральных подмостках.

Между тем наш герой шлёт новое письмо. Чувство назревает – большое, настоящее, требующее "обязательного внимания к сирени".

"Милая родная Тамка! Чествование Березовского окончилось так поздно, что мне не было никакого смысла ехать домой: все спят, – ванны принять нельзя, даже бельё можно переодеть, если разбудить старушку-мать – на это невозможно пойти, – т.е. осталась единственная возможность – ехать домой, в мой новый и в сущности единственный дом, т.е. к тебе – и я так сделал. И хотя тебя нет, и хотя это трудно перенести теперь, я всё же счастлив, что смогу трогать любую вещь и знать и чувствовать, что она твоя, что твои маленькие детские пальчики касались её, что ты дышала этим воздухом, что одеяло и простыня, под которыми я буду спать, покрывали тебя, что нет большей радости для меня, чем прикоснуться к полу, где ступала твоя милая, любимая ножонка, – вот это всё делает меня счастливым, даже когда тебя нет со мной. Тамочка! Кровиночка моя, Тамка! Я так безумно радостно, беззаветно люблю тебя! Ты наполнила мои помыслы, мои самые сильные страсти и думы – твоей любовью ко мне, твоей нежностью и заботой, твоей непосредственностью и ласковостью, твоим чистым ребячьим доверием ко мне.

Я хочу сказать, что всё самое честное, сильное, благородное во мне принадлежит тебе и только тебе, потому что я никого в жизни не любил как тебя, и потому что я ни к кому не испытывал такого доверия, такой беспредельной нежности, как к тебе. Я целую твои реснички, ноздри, рукавичку твою, след твоей нож-

ки, половичок, по которому ступали махонькие пальчики твоих ног, твой голос и даже кашель твой, если только возможно поцеловать его. Ах, Тамка! Почему так мало слов у человека, который любит? Вот я усну сейчас на твоей постели, на твоей подушке, как счастливый ребёнок, – и мне не хочется думать, что, может быть, ты не любишь меня так, как я тебя. Любишь ли ты меня, Тамусенька? Люби, люби меня, – я очень прошу, умоляю тебя! Мы можем быть очень, очень счастливы... А. Тамка! Тамка!.."

Этот вопль, этот стон уссурийского зверя, больше не повторится в письмах с такой силой и откровенностью. Словно и сам герой опешил, испугался собственного чувства. Но оно живёт в нём, бурлит и обжигает.

Однако что-то влюблённому мешало говорить на языке любви открыто.

Это потом приходят хохмы, штучки, возникает скорее игра, чем действительные чувства. И совсем уж нехоти наш герой вспоминает, что он писа-

тель, государственный муж, и теперь его письма начинают обрастать бесконечными тому доказательствами – досадными для Тамочки.

"Тамочка, любимая моя! До свидания, дружок мой золотой! Сегодня я буду поздно ночью, чествуем старика Вересаева, – так ты не забудь меня за это время, ладно?.."

И лёгкий тон продержался недолго. Письма стали напоминать деловые отчёты.

"...Сейчас я поеду принимать дом на Лаврушенском переулке. Потом поеду встречать Петросяна, сухумского приятеля моего..."

И всё же:

"...Весь план сломаю, лишь бы опять почувствовать тебя, ручонку твою в моей. Мысленно целую нежные ноженьки твои до умопомрачения. А."

У любви появляется возраст – проходит год, второй, третий. Чувство остывает, но говорить о нём ещё можно, даже надеяться на неожиданный, счастливый поворот в этой непростой любовной истории.

Александр Фадеев.

тучки, хохмы приходят, возникает скорее игра, чем действительные чувства.

В апреле 1937 года Фадеев и Адельгейм отдыхали в санатории Узкое с Киршоном и Роомом.

Архив автора

"...Тамара! Прости мне, маленький друг мой, эту полосу невнимания и даже нетоварищеского отношения, как это всё несомненно сейчас выглядит. Всё это, конечно, порождение эгоизма, воспитанного и взращённого привычкой жить одиноким холостяком.

Но это больше не будет. Собственно говоря, я дошёл до точки. Под влиянием страшной нервной усталости и мрачного состояния, вызванного твоим положением и сознанием, что я себя веду нехорошо по отношению к тебе, — я беспробудно запил и только сейчас пришёл в себя. Никак не могу отделаться от ощущения стыда и неуважения к себе. Но главное всё-таки то, что я люблю тебя и хочу исправить то, что натворил".

Наверное, Тамочка всякий раз прощала кающегося дуралея. А он, словно заведённый, слал и слал новые весточки, вымаливая новые прощения. Правда, слово "люблю" назойливо повторялось. Тамочка как-то вдруг превратилась в подушку или жилетку, куда хочется лить слёзы, скулить, признаваясь

в усталости, жаловаться на неразрешимость ситуации в опостылевших литературных кругах. Здесь вот-вот польётся кровь...

Он тут не лукавил. Трагедия надвигалась. Он, активный и с большим стажем мастер идеологических баталей, уже назначен первым начальником над остальными писателями. От его слов зависела порой конкретно чья-то литературная судьба. И даже жизнь...

И, конечно, такому начальнику не к лицу "крутить" с женщиной, пусть и оставившей мужа. Заигрался и он с бедной Тамочкой. Однако ни радости, ни пользы от этой игры не было. Чувство не согревало. Рукописи, скапливаясь, не становились книгами. Энергия растрачивалась в основном на литературную склоку. Душа день ото дня грубеет, в неё заползали потёмки.

"Прости меня за невольное проявленную грубость. Но я безумно устал за это время — целыми днями на процессе, в "Правде", в Союзе, в "Красной Нови", систематические недосыпания, а главное, ты обидела мою сирень. И

верно, она как-то жалко выглядела, побитая морозом. Прости меня, кроме того, что я за тобой не заехал. Когда уговорились, я не сообразил всего, а мне в этом озабоченном состоянии не хотелось видеть несимпатичных мне людей. Утомлять себя ненужным разговором и вежливой улыбкой.

Я подумал, она не обидится на меня, когда я ей всё объясню, потому что ведь дело не в том, а в том, что я люблю её.

Но ты меня так холодно встретила! А кто же может встретить меня, довольно беспризорного бродягу, которому даже самому некогда о себе подумать? Кто же будет встречать меня, наконец, тепло на этом белом свете? А."

Последние письма, короткие, как телеграммы, можно сравнить с тормозным путём угасшего чувства. В одном письме мелькает сообщение о новой женщине, однако он тут же жалуется, что недоволен собой, ибо уходит в прошлое что-то очень важное, недооценённое и дорогое. Баламут с остывшим сердцем предполагает вести Тамочку в театр, на выставку Сурикова, в московскую усадьбу Льва Толстого, в кино, в рестораны, в зоопарк. И даже в цирк. В другом письме интересные маленькие рецензии на прочитанную книгу или увиденный фильм — "я был вчера поздно вечером в кино на картине Ренуара "Большая иллюзия". Картина очень неплохая, умная, реалистическая, с некоторой, однако, солидной долей идеализации французского офицерства в патриотических целях".

Что заставляло Тamarу Фёдоровну долгие годы хранить эти письма? Только ли причастность этих пожелтевших, почти истлевших клочков великому делу, которое называется историей словесности? А может быть, старая актриса все эти годы пыталась расшифровать их потаённый смысл?.. Первое письмо влюблённый человек начал со слов "простите, что невольно обманул вас", и этими же словами, так случилось, закончил долгую переписку.

Она тянулась более двенадцати лет, даже после того как писатель женился на известной актрисе Художественного театра. Сирень-таки увяла.

Однажды, за несколько лет до самоубийства, он признавался в кругу собутыльников:

— Да, были, конечно, и бабы. Лучше сказать, женщины. Не люблю это слово — "бабы". Мне не везло. Не везло потому, что духовное и физическое не могло объединиться в одной женщине... Я вообще не знаю, как надо устраивать жизнь с женой и где найти место между женщиной и тем главным, чему я служу. А я слуга партии...

Тамочка ушла из жизни тоже в мае, как и он, но четверть века спустя, в 1979 году. Одной из первых она появилась в Доме ветеранов кино, куда перебралась со всем своим скарбом. В новом жилище, а ей в Доме выделили двухкомнатный номер, она на свой вкус расставила зеркала, старинную мебель, статуэтки, коробочки, сувениры. Но никого к себе не пускала. Общалась только в коридоре, либо в холле, где стоял общий телевизор. Но и с ней, зная её характер и высокомерие, общаться никто из новосёлов не хотел. Только Нина Алексеевна Ли, звезда немого кино, робко похваливала Тамочку, приглашая её в свой однокомнатный номер, не густо обставленный казённой мебелью. В один из дней я и увидел там старую Тамочку. Она быстро ушла, не желая общаться с неизвестным, а Нина Алексеевна, расхваливая свою товарку, рассказала о каких-то письмах, что хранятся у "Мальвинки". И будто бы их писал "в страшном беспамятстве от её чар известный писатель-самоубийца".

ВРЕМЯ ШЛО. С ТАМОЧКОЙ МЫ ВСЁ-ТАКИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ. "Мышка с моторной энергетикой" не любила сидеть на одном месте. Однажды она напросилась в крымский санаторий и, несмотря на протесты врачей, укатила поближе к морю. Но и там ей наскучило, и через неделю она снова вопреки протестам других врачей села в поезд, чтобы возвратиться в Москву. Смерть настигла её в вагоне. Возле станции Синельниково. Там её и похоронили. И где её могила, присматривает ли кто за ней? Не знаю.

Как же убивалась Нина Алексеевна, узнав страшную весть. Вот тогда она и показала мне письма, точнее, копии тех самых писем. Запомнилось и сказанное ею: а что если небольшой этот эпистолярный — самое лучшее из всего написанного популярным когда-то автором?..

Тамара Адельгейм.

Архив автора